

УДК 81.42

DOI 10.51955/2312-1327\_2021\_4\_77

## ИНТЕРДИСКУРС ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ КАК ВИД КОНСЦИЕНТАЛЬНОГО ОРУЖИЯ

*Артем Александрович Хабаров,  
orcid.org/0000-0002-6459-4966,  
кандидат филологических наук*

*Военный университет  
Министерства обороны Российской Федерации,  
ул. Б. Садовая, 14  
Москва, 123001, Россия  
lancelot567@mail.ru*

**Аннотация.** Статья посвящена лингвистическому анализу когнитивно-коммуникативного механизма индоктринации целевых объектов в парадигме информационно-психологической войны, инициированной коллективом Западом во главе с США с целью уничтожения интегрального потенциала государств-противников небоевыми средствами. В фокусе авторской концепции находится язык как инструмент идеологического воздействия, осуществляемого на макроуровне в формате интердискурса, эксплицируемого в сферы социального общения в виде поляризованных дискурсивных практик. С помощью методов семантико-структурного, концептуального и прагматического анализа автором раскрыта специфика вербализации коммуникативных стратегий ментально-речевого воздействия в англоязычном дискурсе, выявлены лексические средства вторичной номинации и идеологические маркеры лингвокогнитивного манипулирования. В результате исследования сделан вывод о том, что формы и способы моделирования интердискурсивной среды в глобальных СМИ, методы идеологической поляризации речи, а также специфика их коммуникативного применения с целью манипуляции сознанием идентифицируют интердискурс информационно-психологической войны как вид консциентального оружия.

**Ключевые слова:** интердискурс, информационно-психологическая война, коммуникативная стратегия, средства вторичной номинации, идеологическая поляризация, лингвокогнитивная манипуляция.

## INTERDISCOURSE OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WARFARE AS A TYPE OF CONCIENTAL WEAPON

*Artyom A. Khabarov,  
orcid.org/0000-0002-6459-4966,  
candidate of philology (PhD)*

*Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,  
14, Bolshaya Sadovaya Street  
Moscow, 123001, Russia  
lancelot567@mail.ru*

**Abstract.** The article is devoted to the linguistic analysis of the cognitive and communicative mechanism of indoctrination of target-objects in the paradigm of information and psychological warfare initiated by the collective West, led by the United States, with the aim of destroying the integral potential of the opposing states by non-combat means. The author's concept focuses on language as an instrument of ideological influence carried out at the macro level in the format of interdiscourse, explicated in the spheres of social communication in the form of polarized

discursive practices. Using the methods of semantic-structural, conceptual and pragmatic analysis, the author reveals the specifics of the verbalization of communication strategies used for mental influence and speech stimulation in the English-language discourse, identifies the lexical means of secondary nomination and ideological markers of linguocognitive manipulation. As a result of the study, it is concluded that the forms and methods of modeling the interdiscursive environment in the global media, methods of ideological polarization of speech, as well as the specifics of their communicative use for the purpose of manipulating consciousness identify the interdiscourse of information and psychological warfare as a type of conciential weapon.

**Keywords:** interdiscourse, information and psychological warfare, communication strategy, means of secondary nomination, ideological polarization, linguocognitive manipulation.

兵者，诡道也。 – «Война – путь обмана».

Суьньцзы, трактат «Искусство войны» (IV век до н. э.)

## Введение

Геополитическое устройство современного мира характеризуется процессами перехода к многополярности и полицентричности, возрождением и укреплением новых полюсов силы в лице России, Китая, Индии, Бразилии и ряда других развивающихся стран, институализацией сформированных политических и экономических союзов. Роль планетарного гегемона, которую удерживают Соединенные Штаты Америки внутри созданной ими системы потребления и распределения ресурсов, технологий и услуг, обеспечивается доктриной системной войны (*systemic warfare*), реализуемой в виде «комплекса непрямых действий и тайных операций с целью подрыва интегрального потенциала государства противника одновременным нанесением ущерба во всех его критически важных сферах» [Репко, 2012, с. 79].

Вскоре после окончания Второй мировой войны в США была принята директива Совета национальной безопасности № 20/1 от 18 августа 1948 г., в которой были сформулированы принципы ведения войны в мирное время: «...*national objectives be constant and should not be affected by changes in the country's situation as between war and peace; that they should be pursued constantly by means short of war or by war-like means.* <...> *War is a continuation of policy, intermingled with other means*» – «...национальные задачи постоянны и не должны изменяться в зависимости от того, находится ли страна в ситуации войны или мира; к их достижению следует постоянно стремиться как невоенными, так и военными средствами. <...> Война есть продолжение политики **другими средствами**» [NSC 20/1, 1948] (*здесь и далее – перевод автора*). Ключевым в этом текстовом фрагменте является выражение *intermingled with other means* – «(переплетенная с) другими средствами», что подразумевает задействование широкого арсенала небоевых средств ведения войны в мирный период. Цитирование в тексте военной доктрины США известного высказывания немецкого военного теоретика К. фон Клаузевица о продолжении политики военным путем уходит корнями в более древний

литературный источник, до сих пор изучающийся в американских военно-учебных заведениях, – трактат «Искусство войны», написанный китайским полководцем Суньцзы. В частности, на этапе новейшей истории военными стратегами США был успешно принят на вооружение и апробирован следующий постулат:

1) **兵者，诡道也。故能而示之不能，用而示之不用，近而示之远，远而示之近。利而诱之，乱而取之，实而备之，强而避之，怒而挠之，卑而骄之，佚而劳之，亲而离之。攻其无备，出其不意。** – «**Война** – это путь **обмана**. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь. Если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься. Хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко. Хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко. Заманивай его выгодой, приведи его в расстройство и бери его. Если у него всего в достатке, будь наготове. Если он силен, уклоняйся от него. Вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства. Приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение. Если его силы свежи, утоми его, если дружны, то разъедини. Нападай на него, когда он не готов, выступай, когда он не ожидает» [孙子兵法, 2021].

Современная геополитика США основывается на концепции стратегической дезинформации, инкорпорирующей методы блокирования данных и фальсификации истины, генерации фэйковых сообщений, шифрования и искажения смысла, подмены понятий, маскировки имен и символов и др. После развала Советского Союза в 1991 г. наша страна столкнулась с мощнейшим потоком идеологизированной информации, направленной на разрушение национальной идентичности и культурного кода с последующим формированием управляемого извне коллективного мышления. Исторический опыт второй половины XX века – начала XXI века свидетельствует о том, что коллективный Запад во главе с США осознал, что с учетом наличия ядерного оружия в прямом военном конфликте победить Россию невозможно, поэтому системная война ведется тайно и нелинейно. Наряду с подрывом безопасности противника в военно-технической, научной, демографической, финансово-экономической и других областях, одна из главных задач системной войны заключается в использовании вербальных средств идеологического воздействия. Деструктивному влиянию навязываемой идеологии подвергается ментальная сфера жизни людей, где объектом индоктринации выступает массовое и индивидуальное сознание, а мишенью являются этнопсихологические и социокультурные особенности восприятия окружающей действительности.

Мощным и эффективным средством реализации доктрины системной войны стала разработанная госкорпорациями и спецслужбами США в 80-е гг. XX века концепция **глобальной информационной среды**, постоянно «окутывающей» человека во всех нишах его жизненного пространства, предлагая ему непрерывно обновляемые способы познания и творчества. Массовые гносеологические процессы в современном обществе,

контролируемые посредством транснациональных медиахолдингов с центрами управления в США и ряде государств коллективного Запада, организуются для перманентного преобразования психического мира личности с целью подавления способностей критического мышления и объективного анализа действительности. Подтверждением этому служат факты успешного проведения спецслужбами США по всему миру серий «цветных революций» путем деформации психологической безопасности населения государств-объектов нападения с последующим манипулятивным воздействием на определенные социальные группы, религиозные и этноконфессиональные общности для их мобилизации на борьбу с «правлящей диктатурой».

Применение языка в военных целях в западной лингвистической терминосистеме соотносится с таким аспектом системной войны, как «война в сфере управления» (*command & control warfare – C2W*), в концепцию которой включены организация и проведение психологических операций (*psychological operations – PSYOP*). В прикладных разделах отечественного языкознания исследование психологических, историко-политических, философских, военных и социально-правовых проблем «вербальной войны» за умы людей получило развитие в ряде новых междисциплинарных направлений, обозначенных как «лингвистика информационно-психологической войны» [Колмогорова, 2016; Почепцов, 2001; Сковородников, 2016; Чудинов, 2019], «консциентальная война» [Громыко, 1997] и др. В процессе исследования мы будем исходить из определения лингвистики информационно-психологической войны, изложенного в трудах А.П. Сковородникова, где под ней понимается такое «направление современного языкознания, объектом изучения которого является специфика использования языка как средства ведения информационно-психологических войн» [Сковородников, 2016, с. 43]. Фундаментальной основой теории информационно-психологического противоборства выступает понятие «**консциентальное оружие**» (от лат. *conscientia* – «сознание», «совесть»), трактуемое Ю.В. Громыко как «совокупные средства поражения и уничтожения определенных типов сознания», которые «должны быть вытеснены за рамки допустимо приемлемых форм», включая меры по «...разрушению и переорганизации общностей, которые конструируют данный тип сознания» [Громыко, 1997, с. 7].

Достижения научно-технического прогресса в области массовой коммуникации в период новейшего времени породили тенденцию медиакратизации общества, в результате чего структуры СМИ и ресурсы сети Интернет стали важнейшим инструментом управления общественной жизнью. В результате конвергенции технологий масс-медиа и виртуальной среды обмена данными с механизмами взаимодействия власти и общества были созданы условия применения консциентального оружия в синтезированном виде **интердискурса информационно-психологической войны**. На макроуровне модель интердискурса представляет собой интертекстуальную структуру, объединяющую корпусы идеологизированных текстов, связанных пространственными и темпоральными отношениями с психокогнитивными процессами их интерпретации, осмысления и коммуникативного

распространения с целью манипулирования сознанием объектов речевого воздействия и управления их поведением. На наш взгляд, именно в формате интердискурса обеспечивается согласованная по целям, задачам, месту и времени реализация в речи комплекса вербальных средств управления мышлением и поведением целевой аудитории.

Резюмируя вышесказанное, **целью** данной статьи мы ставим проведение лингвистического анализа вербальных форм идеологического воздействия, осуществляемого в реалиях информационно-психологической войны посредством системной генерации поляризованных дискурсивных практик в моделируемой средствами массовой коммуникации интердискурсивной среде. В качестве **гипотезы** исследования мы выдвигаем тезис о том, что на текущем этапе информационно-психологической войны лингвокогнитивные методики индоктринации вышли на новый стратегический уровень применения их в качестве концентрированного оружия, инкорпорирующего технологии обработки больших данных, анализа корпусов текстов и макроуровневых интертекстуальных структур при вербализации персуазивных стратегий в глобальных СМИ.

### **Материалы и методы**

В силу того, что исследование носит междисциплинарный характер, его теоретический базис составили отечественные и зарубежные труды в сфере лингвистики, политологии, философии, военной науки. Лингвистический анализ основывается на работах в области психолингвистики и теории речевой деятельности [Стернин, 2011; Тарасов, Уфимцева; 2010], дискурсологии и критического анализа дискурса [Карасик, 2000; Кибрик, 2010; Шейгал, 2000; Т. ван Дэйк, 2013; Серио, 1999], межтекстуального взаимодействия и диалогизма [Бахтин, 2000; Барт, 1989; Белоглазова, 2009; Чернявская, 2007;] и др. Феноменология интердискурсивности и полифонии в тексте рассматривается нами сквозь призму лингвокультурологического анализа персуазивных стратегий воздействия на целевую аудиторию и прагматического анализа специфики контекстуального употребления вербальных маркеров идеологической направленности. В качестве инструментария исследования были использованы как общенаучные **методы** наблюдения, сравнения, анализа и синтеза эмпирического материала на английском языке, так и лингвистические методы семантико-структурного, контекстуального и дискурсивно-коммуникативного анализа.

Практической основой исследования послужили текстовые материалы с официальных сайтов органов исполнительной власти США, статьи электронных новостных изданий «CNN Politics», «Huffpost», относящиеся к публицистическому и официально-деловому стилям, и выдержки из авторских дискурсов ряда американских политических деятелей, классифицируемые как разговорные формы речевого общения. Общий объем исследовательского корпуса составил 136 дискурсивных фрагментов.

В ходе исследования мы опираемся на терминологические сочетания, образующие категориально-понятийный аппарат авторской концепции

типологии дискурса как коммуникативно-когнитивного феномена социовербальной интеракции, в частности, «интердискурс информационно-психологической войны», «идеологическая поляризация», «лексические средства вторичной номинации».

### **Институционализация интердискурса в парадигме информационно-психологической войны: содержание понятия и критерии**

В русле функционального и социально-прагматического подходов к изучению речевой деятельности мы исходим из лингвистического определения интердискурса как языковой формы массовой коммуникации, сочетающей в себе «дискурсное и идеологическое пространство, в котором разворачиваются дискурсные формации с их отношением господства, подчинения и противоречия» [Серио, 1999, с. 45]. В соответствии с речемыслеительным замыслом актора в интердискурсе инкорпорируются тематические виды институциональных дискурсов в совокупности их жанрово-стилистического многообразия и разговорные формы речевого взаимодействия в сферах бытовой коммуникации. Превращение интердискурса в концентрированное оружие происходит при его использовании в качестве коммуникативной среды социокультурного обмена между объектами воздействия, в хромотопических границах которой в сознании коммуникантов воссоздаются требуемые актору когнитивные модели ситуаций и сценарии поведения, задаваемые прагматическими характеристиками корпуса циркулирующих в ней текстов. Формирование интердискурсивной среды осуществляется в процессе вербального закрепления в памяти реципиентов идеологизированных текстов посредством регулярной трансляции в СМИ информационного контента, служащего почвой для дальнейшего лингвокогнитивного манипулирования. То есть, обращение к явлению интердискурсивности при решении военных задач по установлению контроля за разумом противника обуславливается как спецификой работы индивидуального сознания и многомерностью текстуального пространства, так и диалогом дискурсивных систем, в которых отображаются «предзаданные когнитивные системы мышления, культурные коды, коммуникативно-речевые стратегии» [Чернявская, 2007, с. 23]. Целостность и связность интердискурса обеспечиваются за счет объединения общим замыслом его содержательно-структурных элементов, в роли которых выступают тематические виды дискурсов и сопряженные с ними тексты, образующие информационное метапространство для коммуникативной деятельности по дальнейшей интерпретации и транслированию заложенных акторами смыслов и намерений.

В свете авторской концепции основным критерием классификации речевого произведения как видовой формы экспликации интердискурса информационно-психологической войны мы считаем идентификацию в речи вербальных маркеров **идеологической поляризации**. Под идеологической поляризацией дискурса мы понимаем психолингвистический механизм актуализации в речевом акте коммуникативных стратегий по навязыванию

объекту воздействия системы идей и ценностей, заключенных в схему бинарной семантической антиномии «свой-чужой», с целью концептуальной трансформации его языковой картины мира и имплицитного манипулирования вербальными формами осмысления и восприятия окружающей действительности. Эффективность идеологической поляризации речи актора зависит от степени сопряженности когнитивных процессов актора и целевой аудитории, что достигается за счет совокупного применения психологических приемов вызова доверия, установления интеллектуальной и эмоциональной общности, задействованием методик нейролингвистического программирования.

Говоря об интердискурсе как о языковом феномене, инкорпорирующем социальную, психологическую и культурную сферы жизни общества в общем коммуникативном пространстве, следует провести делимитацию интердискурса информационно-психологической войны с тождественными видами институциональных дискурсов и другими формами массовой коммуникации. Мы последовательно придерживаемся позиции, что в зависимости от коммуникативного замысла акторов речевого воздействия вербальные средства координации деятельности адресатов могут быть идеологически поляризованы до состояния, позволяющего применять их в военных целях, то есть в качестве концентрированного оружия. Принятое в современной лингвистике тематическое соотнесение социально-бытовых сфер вербального взаимодействия с тождественными продуктами речевой деятельности, с военной точки зрения, способствует идеологически мотивированному восприятию языковых средств, привычных для конкретной сферы употребления. Например, персуазивная коммуникация сфокусирована вокруг установки на оказание речевого воздействия, что характерно для сферы политики, маркетинга, образования, дискурсивных практик речевой регуляции поведения и действий коммуникантов в воинском подразделении, спортивной команде или врачебной бригаде скорой медицинской помощи.

Персуазивность как имманентная характеристика речевой деятельности ассоциируется широким кругом исследователей в основном с политическим дискурсом, отображающим специфику деятельности социальных институтов с целью завоевания и использования власти. При донесении до электората своих концептуальных идей и взглядов субъекты политики прибегают к широкому спектру коммуникативных стратегий, в которых вербальные средства персуазивного характера дополняются разнообразными приемами ментально-речевого воздействия: легитимации и аргументации, чувственно-ассоциативного внушения (суггестии), манипулирования сознанием, тем самым создавая «дискурсивную реальность, которая удовлетворяла бы потребностям, интересам и желаниям аудитории» [Горностаева, 2018, с. 49]. Суть политической коммуникации сводится к агональному модусу общения, связанному с интенцией борьбы за власть. Базовый концепт «власть» (*power*) занимает центральную позицию в семиотическом поле политического дискурса, предопределяя его основные функции: «...интеграция и дифференциация групповых агентов политики, развитие конфликта и установление консенсуса,

осуществление вербальных политических действий и информирование о них, создание «языковой реальности» поля политики и ее интерпретация, манипуляция сознанием и контроль за действиями политиков и электората» [Шейгал, 2000, с. 9]. Являясь институциональной разновидностью дискурса, политический дискурс обслуживает статусно-ориентированное общение, определенное в рамках коммуникативной ситуации, и может быть дефинирован как «реальное и потенциальное семиотическое пространство, включающее систему языковых знаков, обслуживающих сферу политической коммуникации, тезаурус прецедентных текстов и речевые действия (в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов), специфические для данного типа общения и идентифицирующие его участников» [Молодыхенко, 2010, с. 20]. В то же время, анализ выступлений политических деятелей США, Британии, стран коллективного Запада и ряда развивающихся экономик дает основания полагать, что само понятие «политический дискурс» – не что иное, как лексическая форма вторичной номинации, эвфемизм, находящийся в гипонимических отношениях с идеологически табуированной категорией «военный дискурс», то есть дискурс войны, иными словами, управление с конечной целью подчинения и уничтожения. По мнению М. Дж. Шапиро, почти все виды дискурсов можно относить к политическим, а «язык следует рассматривать как составную часть политических явлений, а не как лишь форму выражения политического явления» [Shapiro, 1981, p. 5]. В схожем ключе рассуждает Дж. Уилсон, уточняя, что «потенциально запутанная ситуация возникает, в основном, из определения политической составляющей в таких базовых понятиях, как «власть» (*power*), «конфликт» (*conflict*), «контроль» (*control*), «господство» (*domination*), поскольку любые из этих концептов могут быть использованы в практически любой форме дискурса» [Wilson, 2008, p. 398]. Трансцендентное функционирование идеологизированного контента в СМИ достигается благодаря частотному употреблению языковых форм актуализируемых в интердискурсе концептов и блокированию нежелательных либо «запрещенных» к употреблению лексических единиц. Как указывает по этому поводу С.И. Репко, «...в США и Британии табуировано использование словосочетания «идеологический дискурс», которое заменено вторичной номинацией – политически корректным выражением «политический дискурс», а «категория «политическая корректность» (*political correctness*) замещает табуированное понятие «идеологически мотивированная замена запрещенных к использованию слов» [Репко, 2021, с. 62].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в реалиях информационно-психологической войны происходит семантико-структурное отождествление дифференцированных по тематике жанрово-стилевых видов дискурсов в единой интердискурсивной среде, в которой комбинируются политический, военный, идеологический, масс-медийный дискурсы и другие виды институциональных дискурсивных формаций. На наш взгляд, целевое применение вербальных средств в качестве консциентального оружия осуществляется путем идеологической поляризации тематических дискурсов в

разных сферах общественной жизни, что ослабляет их критическое восприятие объектами воздействия. Мы полагаем, что с позиции военной науки системы классификаций жанрово-стилевых видов дискурса, разработанные в отечественной и зарубежной дискурсологии и теории коммуникации, обладая несомненной теоретической важностью и научно-исследовательским значением, не позволяют раскрыть системно-деятельностную природу интердискурса информационно-психологической войны при экстроспективном моделировании речевого воздействия на разнородные социальные группы и общности.

Ниже мы рассмотрим национально-культурные особенности типовых коммуникативных стратегий аргументативной, персуазивной и манипулятивной направленности, которые встречаются в новостном контенте англоязычных СМИ США и стран коллективного Запада.

### **Специфика идеологического воздействия в интердискурсивной среде**

В современном мироустройстве функционально-коммуникативное поле интердискурса информационно-психологической войны «раскинулось» на систему международных политических отношений и дипломатические связи, административные процессы государственного управления и социальные сферы жизни населения. Главная задача инициаторов идеологического воздействия заключается в быстром и широкомасштабном распространении дискурсообразующих единиц в масс-медиа пространстве и их дальнейшем закреплении в сознании целевой аудитории. Ретрансляторы интердискурса в СМИ умышленно либо неосознанно строят свое речевое поведение по логике акторов, играя роли **голосов** разного порядка в ходе участия в мероприятиях массовой коммуникации, таких как новостные программы, аналитические передачи и ток-шоу, экспертные дискуссии, паблики в социальных сетях, интернет-блоги, каналы, чаты и пр. Результаты количественного анализа поляризованных политических текстов [Колмогорова, 2016; Горностаева, 2020] позволяют говорить об иерархичности и системности полифонии среди участников интердискурсивной коммуникации, выступающих инициаторами лингвокогнитивного манипулирования. Как отмечает Ю.А. Горностаева, «...при высокой частотности упоминания «голосов» с маркерами ренарратива и в негативном контексте полифония «голосов» разного порядка выступает одним из средств реализации манипуляции в политическом поляризованном дискурсе» [Горностаева, 2020, с. 31].

Многочисленное повторение в политически ангажированных СМИ идеологически-маркированного контента способствует его мифологизации, насаждению стереотипов, фабрикации порицательного имиджа цели информационной атаки в сознании целевой аудитории и задает социально-психологическую установку на его дальнейшее тиражирование в различных сферах общественного взаимодействия. На разговорно-бытовом уровне речевой интеракции происходят процессы дальнейшей интерпретации заложенного акторами первичного смысла, сопровождающиеся функционированием лексических **средств вторичной номинации**. Например, номинативный образ

России как геополитического врага Америки системно употребляется в иерархии голосов официальных лиц и частных экспертов, определяющих содержание актуальной новостной повестки. В частности, в предвыборной речи кандидата в президенты США Митта Ромни от 26 марта 2012 г. он напрямую назвал Россию главным геополитическим врагом США:

2) *This is without question our **number one geopolitical foe**, they fight for every cause for the world's worst actors.* – «(Россия) – это, без всяких сомнений, **геополитический враг** (Америки) **номер один**, они (русские) по любому поводу дерутся за худших игроков на мировой арене» [Mitt Romney, 2012].

Прибегнув к персуазивной стратегии дисфемизации, М. Ромни сопоставил Россию с лагерем стран-изгоев (*rogue states*), к каким, по мнению США, относится Иран, Северная Корея и Сирия, а также провел корреляцию с политическим курсом Китая:

3) *But when these **terrible actors** pursue their course in the world and we go to the United Nations looking for ways to stop them; when [Syrian President Bashar al-] Assad for instance **is murdering** his own people we go to the United Nations and who is it that always stands up with the world's **worst actors**, it's always **Russia**, typically with **China** alongside ... And so in terms of a geopolitical foe, a nation that's on the Security Council ... and is of course is a massive nuclear power, Russia is the **geopolitical foe**.* – «Когда эти **ужасные страны** гнут свою линию, мы взываем к Организации объединенных наций с просьбой найти способы остановить их... Когда, к примеру, (президент Сирии Башар аль) Асад **убивает** своих собственных граждан, мы обращаемся в ООН, и кто же там всегда стоит на стороне этих **отвратительных стран**? Это всегда **Россия**, обычно заодно с **Китаем**. <...> И, с позиций геополитических противников, если государство присутствует в Совете Безопасности (ООН), и, конечно, является мощной ядерной державой, то (тогда) наш **геополитический враг** – это Россия» [Mitt Romney, 2012].

В ходе моделирования образа врага в СМИ актер дискурса апеллирует к когнитивному аспекту, селективно соотнося Россию с лагерем «плохих», то есть «чужих», стереотипно противопоставляемым «своим», то есть «хорошим». Сопоставление России с государствами, которым в западных СМИ либо приписывается поддержка террористов (*support for terrorism*), либо сфабрикован образ ядерной угрозы (*nuclear threat*), – не что иное, как формирование биполярной оппозиции с навешиванием инвективного ярлыка, подчеркивающего осознанную речевую агрессию актора дискурса. Как мы указывали в первой части исследования, формирование в дискурсе внутригрупповой идентичности с бинарным делением на «своих» и «чужих» сигнализирует об инициации процесса его **идеологической поляризации**. Персуазивная стратегия стигматизации дискредитируемого объекта, на которую сделал ставку М. Ромни, основывается на риторической практике использования **словесных ярлыков**, трактуемых в трудах А.П. Сковородникова как «...тяготеющие к стереотипизации номинативные единицы-идеологемы (слова и словосочетания) с гипертрофированной пейоративной коннотацией и ослабленным денотативным компонентом,

представляющие собой линейно свернутые негативные мифы и используемые для дискредитации социально и политически значимых объектов» [Сковородников, 2019, с. 50].

Контекстуальный анализ дискурса М. Ромни позволяет выявить вектор идеологической поляризации, исходящий от повторяющихся лексем с негативной коннотацией и соединяющий их с образом России, тем самым увеличивая вероятность появления в дальнейших коммуникативных действиях такого референциального выбора, который был бы детерминирован с утверждаемой в речи актора отрицательной номинацией. К числу важнейших факторов активации референта и дискурсивного контекста А.А. Кибрик относит протагонизм референта, то есть его значимость в дискурсе, в то же время отмечая многофакторность и вероятностный характер референциального выбора, который «...непосредственно зависит от статуса референта в когнитивной системе говорящего в данный момент. <...> Когнитивный компонент, отвечающий за референциальный выбор – рабочая память» [Кибрик, 2010, с. 174].

Динамика речевого выступления М. Ромни (пр. 3) иллюстрирует потенциальные речевые шаги, иницируемые в ходе трансляции идеологизированной информации с целью эвокации в сознании коммуникантов структурных единиц знания и ценностных установок, корреспондирующих с аксиологической интенцией актора. Иными словами, путем «навязывания» целевой аудитории пресуппозиции для дальнейшей речевой интеракции актер дискурса формирует смысловую и лингвостилистическую структуру инвариантного текста, который должен будет вербализовываться в процессе последующих коммуникативных действий. Речевое употребление в когнитивном пространстве интердискурса таких идеологически маркированных концептов, как *nuclear threat* – «ядерная угроза» и *terrorism* – «терроризм» верифицируется их интертекстуальным функционированием при помощи системы многоголосия.

Тезис о том, что Россия – главная угроза США и поддерживаемому ими миропорядку, основанному на правилах (*rules-based order*), слышится из голосов второго, третьего и других периферийных уровней, которые синергетично обеспечивают устойчивое функционирование в массовом сознании идеологически поляризованных единиц текстов, входящих в поле интердискурса информационно-психологической войны. Так, на сайте Государственного департамента США опубликован список стран, по нормам американского законодательства открыто обвиняемых в поддержке терроризма с навешиванием инвективного в англоязычной лингвокультуре ярлыка:

4) *State sponsors of terrorism* – «государства-спонсоры терроризма», далее по тексту: <...> *determined by the Secretary of State to have repeatedly provided support for acts of international terrorism* – «...которые определены Госсекретарем США как страны, неоднократно оказывавшие поддержку действиям международных террористов» [U.S. Department of State, 2021].

К таким странам политический истеблишмент США причисляет Кубу, Северную Корею, Иран, Сирию, тем самым инспирируя у массовой аудитории стереотипный образ пособника мирового зла, навязанный авторитетом официального института власти. Суггестивный эффект воздействия на целевую аудиторию, преимущественно внутри самих США, усиливается отсутствием объективного опровержения приведенных сведений или их критического переосмысления в силу проводимой Западом политики информационного гегемонизма и блокирования объективных данных с реальным положением дел внутри этих стран.

Помимо выступлений первых государственных лиц США мы можем наблюдать системное циркулирование вербальных маркеров идеологической поляризации в речи высокопоставленных американских военных, к примеру, директора разведывательного управления Министерства обороны США Скотта Д. Беррье:

5) *The Russian military is an **existential threat** to the United States* – «Вооруженные силы России представляют **угрозу существования** для Соединенных Штатов» [CNN Politics, 2021].

На экспертном уровне устрашающий образ России «подпитывается» голосом таких авторитетных источников, как стратегический исследовательский институт США «Фонд Наследия» (*The Heritage Foundation*). В аналитических докладах этой проправительственной организации нагнетается атмосфера страха и опасности, исходящей от нашей страны, что якобы требует ответных мер по сдерживанию российской агрессии и подавлению возможных угроз. Так, в пропагандистской статье «*The Increasing Russian Nuclear Threat*» – «Возрастающая **ядерная угроза** России» от 6 апреля 2021 г. фигурирует следующее изречение:

6) *To ensure credible, direct, and extended nuclear **deterrence** against Russia, and to avoid crisis escalation to the nuclear level, the United States must complete its own nuclear modernization while **engaging** Russia diplomatically on its nuclear forces.* – «Чтобы обеспечить надежное, прямое и расширенное ядерное **сдерживание** России и избежать эскалации кризиса до этапа применения ядерного оружия, Соединенные Штаты должны завершить свою собственную ядерную модернизацию, одновременно с этим **подавляя** развитие ядерных сил России дипломатическими мерами» [The Heritage Foundation, 2021].

Многочисленные примеры трансляции в англоязычных СМИ вербальных маркеров идеологического характера, подобных концептам *geopolitical foe* – «геополитический враг» (пр. 2,3), *terrorism* – «терроризм» (пр. 4), *threat* – «угроза» (пр. 5,6), *deterrence* – «сдерживание», *engaging* – «подавляя, ограничивая» (пр. 6) и др., имеют целью их речевое закрепление в узусе разговорной речи на социально-бытовом уровне в семантико-синтаксических отношениях с моделируемым в дискурсе антагонистом. Главная задача «управляемого многоголосия» в СМИ США – устойчивое якорение в массовом сознании носителей американской лингвокультуры враждебного речевого образа России в когнитивно-дискурсивной привязке к парадигме концептов с негативной коннотацией.

Наглядным примером использования в интердискурсе информационно-психологической войны слов с функцией вторичного номинирования может послужить употребление в его англоязычном сегменте концепта *engagement*. Узуальное толкование лексемы-номинанта концепта интерпретируется в словарных базах как «обручение, помолвка», «назначенная встреча, договоренность», «вовлечение, деятельность» и т. д., а военное значение этого слова *armed conflict between two enemies* – «вооруженный конфликт между двумя противниками», находится на последней позиции после приведенных выше основных значений [Camb. Dict., 2021; Collins, 2021]. В то же время, в парадигме информационно-психологической войны концепт *engagement* и грамматически связанные с ним лексические единицы выступают в качестве операциональных концептов военного дискурса, номинируя такие понятия, как *peacetime engagement* – «война в мирное время», *Engagement and Enlargement* – «Война и экспансия» (название геополитической стратегии США от 1993 г. по овладению странами из бывшей сферы влияния СССР). В идентичном контексте выступают и «главные голоса», звучащие от официальных должностных лиц в форме идеологически поляризованного дискурса, который де-юре считается политическим, но, по сути, постулирует цели военного характера.

Если обратиться к анализу публичных речей высшего политического руководства США, то в выступлении 44-го президента США Б. Обамы от 24 февраля 2009 г. перед Конгрессом на тему строительства экономики Америки в условиях глобального кризиса мы находим следующую фразу:

7) *In words and deeds, we are showing the world that a new era of engagement has begun.* – «Словами и делом мы показываем миру, что началась **новая эра войны**» [Remarks of..., 2009].

В своей речи от 4 февраля 2021 г. о месте и роли Америки в системе мировых отношений 46-й президент США Дж. Байден заявил о возвращении США к своей исконной политике, содержание которой он обозначил в следующих фразах:

8) *America is back* – «Америка вернулась», и далее по тексту: *...we will repair our alliances and engage with the world once again, not to meet yesterday's challenges, but today's and tomorrow's.* – «Мы восстановим наши союзы и снова **начнем войну со всем миром**, но не для того, чтобы бороться с вчерашними вызовами, а отвечать на вызовы настоящего и будущего» [Remarks by..., 2021].

В этих текстовых фрагментах (пр. 7,8) ключевыми выражениями являются *new era of engagement* – «новая эра войны», *America is back* – «Америка вернулась» и *engage with the world* – «воевать с миром», кодирующие реальный коммуникативный замысел актора дискурса. Важно подчеркнуть, что при переводческом анализе предложенных языковых примеров речь идет не только и не столько о практическом варианте передачи смысла на лексическом уровне, связанном с выбором эквивалентной лексической единицы. При вербальном выражении образного потенциала фреймовой модели (психологического сценария), описывающей «возврат» Америки к прежнему курсу и «войну с миром», по сути – нового витка борьбы за господство на

планете, устанавливается предикативное отношение между планом выражения и содержания речевых знаков с учетом того факта, что их истинное содержание табуируется для широкой аудитории. Иными словами, употребление концепта *engagement* во внешнеполитической риторике руководства США как лексического средства вторичной номинации выполняет задачу **маскировки** форм ведения системной войны (пр. 1), несмотря на традиционное причисление этой дискурсивной практики к политическому, глобалистскому, дипломатическому или другим видам институциональных дискурсов.

Подводя итог второй части исследования, обозначим доминантные признаки ментально-речевого воздействия, которые проявляются в интердискурсивной среде информационно-психологической войны: идентификация в речи идеологически маркированных концептов, лексических средств вторичной номинации, структурно-семантических фрагментов прецедентных текстов, военной и политической терминологии, задействование когнитивно-коммуникативных механизмов создания диалогичности в тексте (явление многоголосия) и биполярного деления по принципу «свой-чужой». Анализ эмпирического материала показал, что методы и приемы персуазивной коммуникации (моделирование образа врага, магнификация агрессии и фантомной угрозы, дисфемизация и пр.) определяют концептуальное, функциональное, прагматическое и формально-стилистическое содержание генерируемого в идеологизированном дискурсе текста. Прецедентные единицы интертекстуального характера обеспечивают дальнейшую циркуляцию в массовой коммуникации заданных актором мировоззренческих установок и ценностных ориентиров.

### **Заключение**

С приходом эры тотальной глобализации человечество столкнулось с широким спектром новых угроз и вызовов, в том числе связанных с изменением форм и способов применения человеческого языка как инструмента идеологического воздействия на массовое сознание. Важнейшей характеристикой современной информационной культуры является «вневременность» мультимедийных гипертекстов, циркулирующих в Интернет-пространстве и влияющих на интеллектуальную деятельность миллионов пользователей и психологические механизмы восприятия ими окружающей действительности. С приходом XXI века мировое сообщество погрузилось в цифровую эпоху, которая придала мощный импульс развитию технологий масс-медиа коммуникации и стратегий формирования общественного мнения, расширивших потенциал вербальных средств манипулирования сознанием людей.

В настоящем исследовании нами была предпринята попытка комплексного анализа основных аспектов применения языка в качестве концентрированного оружия в виде интердискурса и идеологически-поляризованных дискурсивных формаций, предназначенных для индоктринации целевой аудитории. В работе были идентифицированы основные инструменты реализации персуазивных стратегий речевого

воздействия в англоязычном дискурсе, в частности стратегии дисфемизации России, реализуемые при помощи лексических средств вторичной номинации, употребления в речи идеологизированных концептов с целью навязывания пресуппозиции для последующей речевой интеракции и формирования в дискурсе внутригрупповой идентичности в рамках оппозиции «свой-чужой». В прагматическом измерении речевое поведение акторов интердискурса информационно-психологической войны демонстрирует комплексное применение коммуникативных стратегий аргументативной, персуазивной и манипулятивной направленности, в том числе, апеллирующих к семантико-структурной актуализации фреймов и экстраполяции прецедентных единиц текста, речевоздействующему потенциалу метафоры с целью создания фантомной угрозы, магнификации агрессии врага и демонизации его интегративного образа.

Таким образом, в настоящей статье мы провели уточнение типологического статуса интердискурса информационно-психологической войны, рассмотрели ряд персуазивных стратегий и вербальных маркеров идеологической поляризации речи, выявили средства вторичной лексической номинации, иллюстрирующие истинное содержание пропозиции адресантов речи и реальный коммуникативный замысел. В ходе анализа эмпирического материала мы пришли к выводу о том, что ключевая цель устойчивого поддержания в массовой общественной коммуникации стабильного интердискурсивного поля – обеспечение возможности лингвокогнитивного манипулирования сознанием целевой аудитории. Практические результаты исследования позволяют нам констатировать факт того, что формы и способы моделирования интердискурсивной среды в глобальных СМИ, методы поляризации речи вербальными маркерами идеологической направленности, а также специфика их коммуникативного применения с целью манипуляции сознанием идентифицируют интердискурс информационно-психологической войны как вид консциентального оружия.

### **Библиографический список**

- Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика (Текст). М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Бахтин, М. М.* Собрание сочинений (в 7 т.). Том 2. Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Л. Толстом. Записки курса лекций по истории русской литературы. М.: Рус. словари, 2000. 798 с.
- Белоглазова, Е. В.* К вопросу о создании таксономии междискурсных отношений // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век: Сборник научных статей (Под общ. ред. д-ра филол. наук В.Е. Чернявской и д-ра филол. наук С.Т. Золяна). СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ. Изд-во «Лингва», 2009. С. 163-178.
- Горностаева, Ю. А.* Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации и автоматической обработки: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ю.А. Горностаева. Красноярск, 2018. 191 с.
- Горностаева, Ю. А.* Полифония «голосов» как средство реализации манипуляции в поляризованном политическом дискурсе / Ю.А. Горностаева // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 2. С. 26-33. DOI: 10.37482/2227-6564-V003
- Громыко, Ю. В.* Оружие, поражающее сознание, – что это такое? // Альманах «Россия – 2010». М., 1997. С. 7.

- Дэйк, Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Кожемякин Е. А., Переверзев Е. В., Аматов А. М. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», URSS, 2013. с.
- Карасик, В. И.* Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2000. С. 25-33.
- Кибрик, А. А.*, Референциальный выбор как многофакторный вероятностный процесс / А.А. Кибрик, Г.Б. Добров, Д.А. Залманов, А.С. Линник, Н.В. Лукашевич – [Электронный ресурс] – 2010. URL: Dialog'2010.indb (iling-ran.ru) (дата обращения: 19.04.21 г.).
- Колмогорова, А. В.* Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации / А.В. Колмогорова, А.А. Калинин, Ю.А. Талдыкина // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 194-199.
- Молодыченко, Е. Н.* Создание образа врага как персуазивная стратегия американского политического дискурса: когнитивный и лингвопрагматический анализ (на материале публичных речей политических деятелей 1960-2008 гг.): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.Н. Молодыченко. Архангельск, 2010. 245 с.
- Почетцов, Г. Г.* Информационные войны, Серия: Образовательная библиотека. Издательство: Рефл-бук, 2001 г. 576 с.
- Репко, С. И.* Национальная безопасность. М.: Академия геополитики, 2012. 290 с.
- Репко, С. И.* Основные концепты официального дискурса глав исполнительной власти США и Британии. // EUROPEAN RESEARCH: сборник статей XXXII Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2021. с. 58-75.
- Серио, П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс. 1999. С. 12-53.
- Сковородников, А. П.* Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия / А.П. Сковородников, Г.А. Копнина // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 42-50.
- Сковородников, А. П.* Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе / Сковородников А. П., Копнина Г. А. // Русская речь. 2019. № 1. С. 44-57. DOI: 10.31857/S013161170003954-8.
- Стернин, И. А.* Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011. 192 с.
- Тарасов, Е. Ф.* Языковое сознание: проблемы и перспективы // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. / Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 735-747.
- Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса: дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Е.И. Шейгал. Волгоград, 2000. 440 с.
- Чернявская, В.Е.* Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Стил-6. Белград, 2007. С. 11-26.
- Чудинов, А. П.* Развитие лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты / С.Л. Кушнерук, А.П. Чудинов // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4. Ч. 1. С. 105-118. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс] – 2021. URL: Определение ENGAGEMENT в кембриджском словаре английского языка (cambridge.org) (дата обращения: 19.04.21 г.). CNN Politics. [Электронный ресурс] – 2021. URL: Top US military intelligence official says Russian military poses an 'existential threat' to the US - CNNPolitics (дата обращения: 19.04.21 г.). Collins. [Электронный ресурс] – 2021. URL: Engagement definition and meaning | Collins English Dictionary (collinsdictionary.com) (дата обращения: 19.04.21 г.). Mitt Romney: Russia is 'Our Number One Geopolitical Foe'. [Электронный ресурс] – 2012. URL: Mitt Romney: Russia Is 'Our Number One Geopolitical Foe' | HuffPost (дата обращения: 19.04.21 г.).

NSC 20/1. Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis, eds., *Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945-1950*. [Электронный ресурс] – 2021. URL: U.S. OBJECTIVES WITH RESPECT TO\_RUSSIA. NSC 20/1 (sakva.ru) (дата обращения: 19.04.21 г.).

Remarks by President Biden on America's Place in the World. [Электронный ресурс] – 2021. URL: Remarks by President Biden on America's Place in the World | The White House (дата обращения: 19.04.21 г.).

Remarks of President Barack Obama. – Address to Joint Session of Congress. [Электронный ресурс] – 2009. URL: Remarks of President Barack Obama – Address to Joint Session of Congress | whitehouse.gov (archives.gov) (дата обращения: 19.04.21 г.).

Shapiro M. J. *Language and political understanding: the politics of discursive practices*. New Haven: Yale University Press, 1981. 272 p.

The Heritage Foundation. Report deafence. [Электронный ресурс] – 2021. URL: The Increasing Russian Nuclear Threat | The Heritage Foundation (дата обращения: 19.04.21 г.).

U.S. Department of State. [Электронный ресурс] – 2021. URL: State Sponsors of Terrorism - United States Department of State (дата обращения: 19.04.21 г.).

Wilson J. *Political discourse / Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, Heidi E. Hamilton*. The Handbook of Discourse Analysis. 2008. 872 p.

孙子兵法.三十六计. [Electronic resource] – 2021. URL: 《孙子兵法》全文十三篇解释及翻译 (5000yan.com) (дата обращения: 19.04.21 г.).

## References

*Bakhtin, M. M.* (2000) *Collected works (in 7 volumes)*. Volume 2. Problems of Dostoevsky's creativity. Articles about L. Tolstoy. Notes of a course of lectures on the history of Russian literature. Moscow: Russian dictionaries, 798 p. (in Russian)

*Bart, R.* (1986) *Selected works: Semiotics. Poetics (Text)*. Moscow: Progress, 616 p. (in Russian)

*Beloglazova, E. V.* (2009) On the issue of creating a taxonomy of inter-course relations // *Language in the paradigms of humanitarian knowledge: the XXI century: A collection of scientific articles (Under the general editorship of Dr. V. E. Chernyavskaya and Dr. S. T. Zolyan)*. St. Petersburg: Publishing house of SPbGUEF. *Lingua Publishing House*: 163-178. (in Russian)

Cambridge Dictionary. [Electronic resource] – 2021. URL: Определение ENGAGEMENT в кембриджском словаре английского языка (cambridge.org) (date of access – 19.04.21 г.).

*Chernyavskaya, V. E.* (2007) Open text and open discourse: intertextuality-discursivity-interdiscursivity. *Stil-6*. Belgrade: 11-26. (in Russian)

*Chudinov, A.P., Kushneruk, S.L.* (2019) Development of linguistics of information-psychological war: methodological heterogeneity and first results. *Ecology of language and communicative practice*. 4. Part 1: 105-118. (in Russian)

CNN Politics. [Electronic resource] – 2021. URL: Top US military intelligence official says Russian military poses an 'existential threat' to the US – CNNPolitics (date of access – 19.04.21 г.).

Collins. [Electronic resource] – 2021. URL: Engagement definition and meaning | Collins English Dictionary (collinsdictionary.com) (date of access – 19.04.21 г.).

*Dijk, T.* (2013) *Discourse and Power: The Representation of Dominance in Language and Communication*. Kozhemyakin E. A., Pereverzev E. V., Amatov A.M. Moscow: Book House "LIBROCOM", URSS. (in Russian)

*Gornostaeva, Yu. A.* (2020) The polyphony of "voices" as a means of implementing manipulation in a polarized political discourse / Yu. A. Gornostaeva. *Vestn. Sev. (Arctic) feder. un-ta. Ser.: Humanit. and social sciences*. No. 2: 26-33. DOI: 10.37482/2227-6564-V003(in Russian)

*Gornostaeva, Yu. A.* (2018) Verbal markers of manipulation in the English polarized political discourse: the experience of parametrization and automatic processing: diss. ... candidate of Philological Sciences: 10.02.19. Krasnoyarsk, 191 p. (in Russian)

*Gromyko, Yu. V.* (1997) Weapons that affect consciousness – what is it? // Almanac "Russia-2010". Moscow, p. 7. (in Russian)

- Karasik, V. I.* (2000) The structure of institutional discourse. Problems of speech communication: Interuniversity collection of scientific papers. Saratov: Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, pp. 25-33. (in Russian)
- Kibrik, A. A., G. B. Dobrov, D. A. Zalmanov, A. S. Linnik, N.* (2010) In. Lukashevich Referential choice multivariate stochastic process [Electronic resource] – URL: Dialog'2010.indb (iling-ran.ru) (date of access – 19.04.21 g). (in Russian)
- Kolmogorova, A. V., Kalinin A. A., Taldykina Yu. A.* (2016) Linguistic markers of manipulation in the polarized political discourse: the experience of parameterization. *Political linguistics*. 4 (58): 194-199. (in Russian)
- Mitt Romney: Russia is 'Our Number One Geopolitical Foe'. [Electronic resource] – 2012. URL: Mitt Romney: Russia Is 'Our Number One Geopolitical Foe' | HuffPost (date of access – 19.04.21 г.).
- Molodychenko, E. N.* (2010) Creating the image of the enemy as a persistent strategy of American political discourse: cognitive and linguopragmatic analysis (based on the material of public speeches of political figures 1960-2008): diss. ... candidate of Philological Sciences: 10.02.04. Arkhangelsk, 245 p. (in Russian)
- NSC 20/1. Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis, eds., Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945-1950. [Electronic resource] – 2021. URL: U.S. OBJECTIVES WITH RESPECT TO RUSSIA. NSC 20/1 (sakva.ru) (date of access – 19.04.21 г.).
- Pocheptsov, G. G.* (2001) Information Wars. Series: Educational Library. Publisher: Refl-book, 576 p. (in Russian)
- Remarks by President Biden on America's Place in the World. [Electronic resource] – 2021. URL: Remarks by President Biden on America's Place in the World | The White House (date of access – 19.04.21 г.).
- Remarks of President Barack Obama. – Address to Joint Session of Congress. [Electronic resource] – 2009. URL: Remarks of President Barack Obama – Address to Joint Session of Congress | whitehouse.gov (archives.gov) (date of access – 19.04.21 г.).
- Repko, S. I.* (2012) National Security. Moscow: Academy of Geopolitics, 290 p. (in Russian)
- Repko, S. I.* (2021) The main concepts of the official discourse of the heads of the executive authorities of the USA and Britain. EUROPEAN RESEARCH: collection of articles of the XXXII International Scientific and Practical Conference. Penza: ICNS "Science and Education". pp. 58-75. (in Russian)
- Serio P.* (1999) How texts are read in France. Quadrature of meaning: The French school of discourse analysis. Moscow: Progress. pp. 12-53. (in Russian)
- Shapiro M. J.* (1981) Language and political understanding: the politics of discursive practices. – New Haven: Yale University Press, 272 p.
- Sheigal, E. I.* (2000) Semiotics of political discourse: diss. ... doct. philol. sciences: 10.02.19 / Volgograd, 440 p. (in Russian)
- Skovorodnikov, A. P., Kopnina G. A.* (2016) Linguistics of information and psychological warfare: to substantiate and define the concept. *Political Linguistics*. 1 (55): 42-50. (in Russian)
- Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A.* (2019) Political labels in the modern Russian-language media discourse. *Russian speech*. 1: 44-57. DOI: 10.31857/S013161170003954-8. (in Russian)
- Sternin, I. A., Rudakova A.V.* (2011) Psycholinguistic meaning of the word and its description. Theoretical problems. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 192 p. (in Russian)
- Tarasov, E. F., Ufimtseva N. V.* (2010) Linguistic consciousness: problems and prospects // In the space of language and culture. Sound, sign, meaning. Moscow: Languages of Slavic cultures, pp. 735-747. (in Russian)
- The Heritage Foundation. Report defence. [Electronic resource] – 2021. URL: The Increasing Russian Nuclear Threat | The Heritage Foundation (дата обращения: 19.04.21 г.).
- U.S. Department of State. [Electronic resource] – 2021. URL: State Sponsors of Terrorism - United States Department of State (date of access – 19.04.21 г.).

Wilson J. (2008) Political discourse / Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, Heidi E. Hamilton. The Handbook of Discourse Analysis. 2008. 872 p.

孙子兵法.三十六计. [Electronic resource] – 2021. URL: [《孙子兵法》全文十三篇解释及翻译 \(5000yan.com\)](http://www.5000yan.com) (date of access – 19.04.21 г.).